

Андрей Костинский
РЕПЕТИЦИЯ РАССВЕТА

FS-

Андрей Костинский

РЕПЕТИЦИЯ РАССВЕТА

стихотворения

Москва

LitGOST logo featuring a stylized graphic of a building or structure above the text "ЛитГОСТ".

2019

УДК 821.161.1

ББК 84

К 72

Иллюстрация на обложке *lee Scott*

К 72 Костинский Андрей

Репетиция рассвета: стихотворения / Андрей Костинский. — Москва: «ЛитГОСТ», 2019. — 80 с.

ISBN 978-5-6043074-1-0

«Репетиция рассвета» — книга избранных и новых стихов харьковчанина Андрея Костинского. Её выход приурочен к 50-летию автора, а диапазон опубликованных стихотворений простирается от авторских 17-ти до 50-ти лет. То есть, в сборнике представлены тексты за 33 года поэтической работы. У этих стихов — возраст Христа.

© Костинский А.В., 2019

© Коркунов В.В., составление, 2019

© «ЛитГОСТ», макет, 2019

ISBN 978-5-6043074-1-0

Языковые аномалии и внутренний локус Андрея Костинского

Лингвист Лев Щерба называл произнесённый текст *поводом* к возникновению языкового явления. Тексты Андрея Костинского разных лет, скрытые под этой обложкой, для читателя ещё не произнесены; это вообще свойство книги — оживление скрытых в ней текстов.

И это особенно важно для поэтики Костинского, которую следует воспринимать на двух уровнях: а) звука, когда фонетика даже в условиях зауми позволяет через морфологию улавливать семантику и смысл («-вы оковы око-»); б) внутреннего чтения, когда сущности слов умножаются, благодаря добавлениям фонем и др. языковых средств («расстояннее»).

«Репетиция рассвета» — книга избранных и новых стихов харьковчанина Андрея Костинского. Её выход приурочен к 50-летию автора, а диапазон опубликованных стихотворений простирается от авторских 17-ти до 50-ти лет. То есть, в сборнике представлены тексты за 33 года поэтической работы. У этих стихов — возраст Христа.

В чём особенности этого формирующегося (если говорить о ранних текстах) и сформированного (если говорить о поздних) мира? Для раннего Костинского¹ характерна языковая игра, которая растушёвывала высказывание, выступала симулякром осознанного письма. В «Репетиции рассвета» текстов, построенных на языковых аномалиях, практически нет. Семантический эксперимент проводится точно, объективируя «новое содержание при <...> изменении старой формы»²:

¹ См., напр., *Костинский А. В.* Аритмия. — Харьков: Торсинг плюс, 2009.

² *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

в этой чёрной икринке
высиживались безмолвные стонны

Тексты Костинского, построенные на эксперименте¹ («полу-вы-ли пели-выли/ плевелы половили/ полуволи поливали/ полувола полуваала» и т.д.), представляют собой упрощённую версию постфутуристической зауми, только вместо очищенного от «житейской грязи языка» перед читателем — ряд словесных девиаций.

(В связи с этим нелишне снова вспомнить Щербу, придумавшего фразу: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». При семантической бессмыслице она позволяет предположить, что именно произошло в тексте.)

В книге Костинского нелинейно показано преодоление инерции удивлять на уровне лексем (и даже целых текстов), но не образов и концептов. (Отмечу в скобках, что стихи в «Репетиции рассвета» выстроены в нарративный сюжет о поиске дома и бесконечности этого поиска. Отсюда и «знак переноса» вместо звёздочек перед стихами, и итожащий книгу текст, подобно ленте Мёбиуса возвращающий к началу: «ветер книгу листает/ от конца — к началу/ он пришел с востока/ где читают так/ по-японски».) Естественным образом отталкиваясь от поэтики футуризма (неслучаен и выход журнала «Лава» Костинского, посвящённого визуальной поэзии, начиная с Кручёных и Каменского²), поэт в рамках игры следует с одинаковой увлечённостью и за, например, Дмитрием Александровичем Приговым и Львом Рубинштейном и за, скажем, Вадимом Степанцовым и Виктором Пеленягрэ. Соединяя архаику с новаторством — всё же исконный футуризм, исповедуемый, например, Шершеневичем, ему ближе — на ранних этапах творчества он выводил эксперимент за рамки поэзии³. Но, к счастью, нашёл возможность *говорить*, а не *выражаться*.

¹ В представленной книге их немного, зато в предыдущих — было немало.

² Лава (№ 19–20) — Харьков: Слово, 2013.

³ Об игровой поэтике см.: Скворцов А. Э. Автореферат диссертации «Литературная и языковая игра в русской поэзии 1970–1990-х годов». Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/literaturnaya-i-yazykovaya-igra-v-russkoi-poezii-1970-1990-kh-godov>

К чему же в итоге приходит поэт?

Как мы сказали, языковая игра в новых текстах Костинского становится явлением точечным, направленным на *утяжеление слов*, добавление к ним *новых смысловых измерений* внутри создаваемого мира (и это уже не самоцель). Таким образом, она, цитируя филолога Ольгу Аксёнову, «вскрывает пограничные, парадоксальные случаи бытования (функционирования) языкового знака»¹.

Всё чаще — и в «Репетиции рассвета» это проявлено особенно отчётливо, хотя бы потому, что автор выбрал из сотен всего 54 текста; такому-то отбору позавидовал бы и Заболоцкий!² — Костинский обращается к лексическому минимализму, при этом максимально расширяя пространство, играя на приближении/отдалении (операторский эффект), насыщая тексты мелкой моторикой мира.

Иногда у него получаются тексты-метафоры:

каждый год надевая
под мезгой по кольцу
деревья между стволами
стискивали пространство
выжимая воздух
кольцами в небо
как бы обручаясь с ним

Иногда тексты-образы (данное стихотворение я бы назвал текстом-затмением <или даже текстом-апокалипсисом>, коль скоро в нём затемняется, закрываясь в прямом смысле, целый мир):

на старые обои
вобравшие свет
3652-х солнц
и тьму 3651-й ночи

¹ Аксёнова О. А. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта. Режим доступа: <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova>

² Заболоцкий до конца жизни перерабатывал (сокращая/добавляя) список текстов, которые считал возможным публиковать после смерти.

наклеил новые
между двумя слоями бумаги
10 лет

— в конечном счёте преобразуясь в некую форму актуального письма, основанную не на *игре в смысл*, а на поиск и нахождение смысла в условиях *подлинного* обновления языка:

СНИМОК

солнце
завёрнутое волной
распрямляется
на берегу

отпечатки следов
к себе

покажи
где живешь

где умру
без

Именно в подобных текстах, которые в последнее время всё чаще появляются у Андрея Костинского, скрыт путь к личному, внутреннему локусу поэта, иными словами, к обретению своего пространства и языка. В «Репетиции рассвета» этот путь намечен — поднимающееся солнце *нового мира* освещает и подсвечивает изъяны старого; это делает сборник стилистически неоднородным, но пульсирующим и живым.

Переход от игры к мышлению образами и созданию личного локуса — пожалуй, главный итог этой поэтобиографической книги.

Владимир КОРКУНОВ,
кандидат филологических наук

I

OCTPOB

Остров

У камня,
который бросают в море,
есть судьбозначимое мгновенье:
во время соприкосновенья с водою он —
остров!

Игорь

В мирное или смирённое небо я
над нами, над домами нашими
погружаюсь взглядом, от которого сепия
шипит, потрескивая закатною пашнею.
Как долго длятся эти звуки в зареве; кажется,
что потрескивают деревья голые.
Зимний лес — словно валежника залежи,
словно труты Ольгины...

Расстояннее

От десятилетия по три шага к или *от*.
Время вышло на ринг, за спиною спряталась вечность.
Ззззззза эти шшаги песссссссок зззззззаметёт Илион.
И будут сто месс петь, но с «ть»
на конце. Как будет она сладка.
Как будет быстра упряжка бессменных хасок
бессмертных.
Сани с ани, ма, цы и в прижизненный кадр
двадцать пятым войдут кораблём — негомерно.
Как же встречу тебя, раяя стопы осколками звёзд,
лунной плахи касаясь, ожидая её ятаганность!
«Б», «Г», «Ж» не вмещает звезда.
Я их съезд превращаю в свёзд
Атаманки, Подола, Покровки, Салтовки и Таганки.
Ты узнаешь меня. Да, я тот сумасбредный поэт,
проживающий больше, чем выночить смог намечтания.
На планете живу, — кроме нас никого больше нет.
Но моргнёшь — и весь мир без меня
станет вновь расстояннее.

2

посреди ладонной степи
у подножия дуба
переплелись корни
подобно шнуркам
продетым в верхние дырочки
армейского ботинка
увязшего в земле

распястье

время, для себя, также удлиняло пространство
промасливая рельсы на которых окатятся поезда
отправления час то менялся то часто срывался
нет добиралось двумя буквами — д а
да нет — собирались то в датен то в данте
и других слов не создавалось совсем
нарекались богами то иса то команчданте
застревая ногами в сансарычевом колесе
бескозыркой плывя луна сребровласила лысо
утоннувшийся день тугоплавким закатом тельцел
на плечевьях земли изгибалось его коромысло
и глядел иглоделатель в хитростный корнеприцел
и в вонзившейся в тело возникшее для распястья
отшиповной игле домешан был сладенький яд
что однажды о каждой молекуле вспомнит прамастер
промасливший когда-то рельсы зеркальному я

Почему

Ну почему? Д-Д
Почему Д-Д этот поезд Д-Д
не идёт под откос?
Переезжая Д-Д через медленно
обрушивающийся Д-Д мост,
поезд Д-Д возвращается
по нему Д-Д на вокзал,
с которого Д-Д я выехал вчера.

Д-Д Проводница Д-Д с улыбкой —
будто она ДД соединила
концы телеграф Д-Д ного провода,
по которому Д-Д сообщают,
что я ещё жив Д-Д —
держит Д-Д в каждой руке
по два чая Д-Д
в символических Д-Д
подстаканниках.

Но я в купе один.
Где же ещё трое?

Помню, один сошёл покурить.
Я видел, как он покупал газету
на движущейся станции,
да там и остался...

Второй пошёл в вагон-ресторан,
за ним — третий
(я заметил,

как тот переключивал
из пиджака в брюки выкидую).
И оба не вернулись.

Но я взял все чаи,
расплатившись за каждого,
как (?) за себя.

На обратном пути
я увидел первого —
он стоял на перроне
и смотрел на меня
через дыру в позавчерашней газете.

Его взгляд был подобен
непишущей вертикально ручке.

А затем в купе вошёл второй.
Это было, когда мы проезжали
дообрушивающийся мост.

Мне стало не по себе.
Меня тошнило и швыряло по купе,
я опрокинул на столике все стаканы,
за которыми пришла проводница,
смотрящая на нас из зеркала.

В... Вд... Вдр... Вдру... Вдруг!
Она разжала Д-Д улыбку
и концы Д-Д провода
выстрелили Д-Д в разные стороны
за отделившимися Д-Д частями поезда.

Мост

я и Я смотрели друг друга.
Перспективы за спинами были равно пустынно.
Неба над нами были равно негостеприимны.
Идущие мимо наших натянутых взглядов резались ими.
И каждая белка в лесу прятала свой НЗ.
И каждый пескарь боялся себя расплескарь.
Плащаница озёрная принимала небесный лик.
И базилик не взрос по стенам базилик.
я и я выравнивались.
За спинами прятали мост,
соединяющий их.
Мост, с которого и

взгляд вымерз
покинув зрачки
ставшие стеклярусами
потерянным астронавтом
в открытом космосе

шум улицы
остывает гипсом
в ушных раковинах

лучом-иглой
прокололи
сразу в пяти местах:
подходит?
спёкся...

Бросивший камень...

Первым бросил в меня камень
я сам —
тот,
который заговорил
в без малого год.

Между нами — сорок.

Ребёнок бросал в меня камни.
Их было так много,
что каждый последующий
был менее смертельным.

Между нами постоянно —
две летящие гибели,
так быстро бросались камни.

А ребёнок всё лепетал.
Он бросал и бросал, и броса...
Этим он не грешил.

А в каждом камне —
запечённое солнце...

Камни,
что летели медленнее,
долетая,
остывали до луны.

И когда надо мной
воздвигся курган,

камни взорвались,
и тысячи солнц и лун
вырвались
из каменного плена!..

Я — прощён?

А ребёнок?
Куда он делся?..

Трассирующий свет шёл на одной линии
с трассирующим звуком.
Возникающий зуд смягчался футляром тьмы.
Направленность была первопричинною мукой
для беременья не знавшей мужчины жены.
У неё в животе зарождалась звезда из везды.
Груды её наливались млеком путей.
Пуповинился свет. Змеевик огерметизован тестом.
На лежанке мурлычет осметанный Матфей.

переползные змеи
перелётные птицы
переплавные рыбы
перелазные мхи —
кто из них возвратится
тот исправит ошибки
тот отыщет потерю
и замолит грехи

И создал Бог Еву

Из кувшина,
вылепленного из глиняного последа Адама,
исходили страхи.

Они
разливались под корни деревьев,
расползались в травах,
растворялись в росах,
развеивались на ветру.

Даже солнце не могло отделить
луч от луча
в этом скопище страха:
жались друг к другу,
были похожи
на слипшуюся переваренную вермишель.

Радуга, войдя в росинку, скисала в ней
и смешивалась
с кишачими страхами
в чёрный цвет —
в этой чёрной икринке
высиживались безмолвные стонны.

Ресницы Адама напоминали
хирургический шов —
спасение глаз
от слепоты неизвестности.

И тогда создал Бог Еву...

обои

на старые обои
вобравшие свет
3652-х солнц
и тьму 3651-й ночи
наклеил новые,
между двумя слоями бумаги
10 лет

Шов
(Касабланка)

Этот шов расходится десятки раз.
Кровит.
Сладко болит.
До смеха.
Касается раны бывший раб.
— Глубже копни, неумеха!

Я прижигал рану углём,
вынутым из горящей рукописи.
Чёрный свет в меня проникал угрём,
разравнивался до листа,
сворачивался,
будто тубусом

я был ему.
На чёрном листе этом
чёрным маркером
были помечены схроны радости.
И как иксканнерно ни рассматривать,
не найти ни один о них в этом аде стих.

Из-подо шва — шина тишины.
Ти-ши-на.
Подо швом подошвы —
подошлый хлеб из хляби.
Когда-льбо из сулей выпьется мера вина
та, которая была водой, или была бы.

Посолони вспять.
Солнце, зазря помование гасла, меркло.

Порато, порно держа меч,
заполдня западню запада упредил.
Смотря «Касабланку»,
слушая Шнитке,
читая Беркли,
вижу отверзное сердце,
прошитое ею, в груди.

завтрак

кудесничал на кухне
по тени увидел
что ты вошла
— что у тебя за шрам
здесь на левом боку
где рёбра?
скажи Он вернулся?
— не волнуйся
ты так и осталась одна
в моей жизни
ответил
переворачивая
на сковороде
своё сердце

Четыре вдовы

На кухне в 40 ватт тени почти мертвы.
В окнах друг в друга смотрят двухкамерные стёкла.
Если бы ночь пришла — пришли бы четыре вдовы,
на каждый десяток летствий жизни моей одинокой.

У одной на руках оловянный солдатик спит,
глазки недвижно смотрят, обе на месте ножки.
К горизонту закат — словно лоскут пришит,
словно в том месте небо надорвано понарошку.

У второй за спиной — дозорный озорной,
пальцы куда-то тычет, улыбается хитро.
На лоскут наложил художник белил слой —
красок не намешал, не подготовил палитру.

Третья смотрела вдаль, словно не видя меня,
словно читают между мною и ею требу.
Кто-то достал скребок, слой с лоскута снял.
...лишь катится бочка солнца по гулкой палубе неба.

А у четвёртой вдовы победительный вид, —
замыкает квадрат, вы-ы-ытянутый прямоугольно,
на котором лежу, — небо уже не болит,
потому что и мне больше уже не больно.

Игра в хохот

Хохот играет
в крестики-нолики,
оканчивая игру тупиком

X O X

O X O

X O T

Труженики морэ

памяти Пьеро

Арлекин и Мальвина рыли яму Пьеро.
Восходила луна над омогиливаемым кладбищем.
Но смеялся Пьеро, и расхохатывал мир о
неизвестно-неслышное: «и щ е м...»

Платье снежное, в ряшах, чёрным сделалось от земли —
будто чёрное в небо по белому поднималось.
До луны — до луны — семь вытысяч ли.
А Мальвина ворчит: «Как намаялась я и маюсь...»

А Рлекин не ворчал. А Рлекин рыл и рыл, и рыл, и
бубенцами гремел и смотрел на часы в телефоне.
Оба БоГа над миром звёздный мост навели
и пошли по нему друг к другу навстречу нетонно.

Арлекин и Мальвина видят — Пьеро стал расти.
И под рост его не попевали увеличивать могилу.
И уснули... Рядом лёг и Пьеро,
грусть во взгляде — что соль в горсти,
им улыбкой даря для труженика силу.

И очнулись друзья. И зарыли его.
Не сойдясь, оба БОГА
на холмик обрушили мост из созвездий-соцветий,
под которыми — тот, кто ушёл от прямот и зевот.
Кто хотел уйти до рожденья — из чёрного света.

2

разделочная доска горизонта
скелет рыбы без листвы
чешуя взошла звёздами
луна смотрит рыбьим глазом
моргнёт
и нет рыбы

2

встречавшим солнце раньше меня

танец звука
кружит в доме
выдувает стены
до округлой башни

углы прокалывают
оболочку

новая мелодия
памятью сбившихся стёкол

ветер выдувает её
на ф л е й т е м н о г о э т а ж к и

— мама, мы вернёмся?

Чернобыль

памяти города

глаза смотрели
-морг-морг-

скрипела качель в пустом дворе
голая как ноябрь вокруг

на листопрокате запада
шипела яичница

шипела таблетка
в си-не-бе

билась птица
в оставленной клетке
оставленной
малогобаритки
оставленного города
сердцем его

стучи

~

пылинка раскрылась цветком

ветер потерялся согреться в/над

лететь вчера вровень с завтра

забыть как вспоминается лицо

память

консервный нож

белизна бумаги

спит лежащиеся новые буквы

надрыв письма на моем имени

2

крапивный ветер коснулся тела —
гусяная кожа

Бабушкина шкатулка

Вечер размазывал по окнам пыль
избранными для них каплями дождя.
Забравшись с ногами на кровать, я пил
парное молоко и ждал...

Бабушка возилась у швейной машинки,
и у неё был мешочек с пуговицами;
там были мои любимые, со звёздочками
(я тогда ещё не знал,
что это — бутафория армии).

Глаза слипались.
Но я не хотел
уснуть раньше, чем бабушка свет погасит.
Я на неё смотрел и, ещё узнавая,
в грёзах летал, летал, лета...

Бабушка встала, закрыла окна газетами,
достала из нижнего ящика шифоньера
шкатулку с облупившимся лаком,
открыла и начала вынимать:

«Внучек, это — смех.
Его очень любят люди.
Особенно когда забывают
название радости.
А это — плач без слёз,
бусинки которого
осыпались с обветшалых ниток
залежавшегося в сундуке
приданого.

Внучек, а это — сон.
Он приходит,
когда уже нету сил
печалиться
и когда уже нечему
смеяться.
Пока ты будешь спать,
вокруг тебя уснут:
река,
ветер,
птица в небе
и рыба в море.
А когда проснёшься
однажды лет в сорок,
увидишь уснувшей меня»¹.

¹ Бабушка Александра Денисенко пережила Голодомор с двумя братьями из тринадцати братьев и сестёр, потеряв отца. Текст написан вдали от неё накануне дня, когда она умерла, в полном моём неведении, что она уходит, и обнаружен год спустя.

Коперник

В мелконебесье, между облаками,
взглядом пробовал,
насколько прогрет
отделёнными лучами от солнца
ближайший космос.

Лестница на чердак

Лестница на чердак.
В паутинные провода,
в двести двадцать петель...
Лес снится кровельным бревнам.
Пыль щекочет пещерки ноздрей,
но чихнешь —
пыль поднимется так,
что проникнет в глаза,
выйдя уже со слезами
струйкою серой грязи.

Вот этот ржавый гвоздь
зацепил мою клетчатую рубашку
(я так ею гордился),
превратив в безрукавку.
тонкая планочка
до сих пор не может
прогнить под дождями.
А сколько их было, дождей, с той поры...

Лестница —
в детство, под небо, к луне —
вросшая костылями в землю
так, что кажется,
они идут из нее,
и сейчас какой-то чужак
ею поднимется
и скажет:
«Я тоже лазал по ней когда-то,
когда еще не было этого чердака...»

2

ладонью траву примну,
слышно биение жилок-корней

репетиция рассвета

вечером устраивался в кресле восточного угла комнаты;
смотрел, как репетировала Ночь в ночь,
изображая режиссёра,
появление никому не известного рассвета, —
тот в разговоре со мной переходил шепотком на ты, —
на сквозняке постукивали кастаньеты —
деревянные кольца, обручившие шторы;
перетягивала вылинялый диван напротив окон
серебристо-лимонными нитями лучей луна-мебельщик;
звёзды чистили пыльные стёкла, оставляя разводы,
тёршись бок-о-бок
(импровизация — этого в сценарии не было).
А во дворе, мечтая обвить лучи тугим локоном,
потягивался каждый стебель,
приминаемый лапками бесцветной кошки,
чей силуэт затем на подоконнике превращался в копилку
из детства,
в которую вот-вот посыплются звёзды и, вперемешку,
немножко —
утренняя роса, позвякивавшая более чем осторожно,
чтобы не разбудить дремлющего в уголке комнаты — если
его разбудить ещё возможно...

~

ливень прошёл
на еловых иголках
задержались дождевики
как шарики
на наверхиях
зелёных булавок

арн

наверное
неверное
дверное
отверное
заверное
не верн ое
притворное
отворное
затворное
нетвёрное
отвёрное
завёрное

а может иное?

может

2

город падает гулко
в пустую кастрюлю неба
яблоком
несорванного сна

II

ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

Немые волны на рогах
несут млеководье над степью.
На месяц, тончающий гак,
небо подвешено тенью.
Поля в денноскладных стогах
уснули — им видится море,
бегущие волны в строках —
послание шумно-немое.

белое

циферблат слов

реки вспять

реки всшесть

вещи создают тени звуком соприкосновения

надежда умирает после дней

любовь умирает последней

у смерти

смерти нет

из трех жизней — вторая

середина

-вы оковы око-

луч солнца седеет к полуночи

лунный луч пишет вслед перу

В ГОДЫ УБЫЛИ...

понуро нырнув в годы *убыли*
плечами пролёсками волос и
углубляющимися
как само это слово
взглядами
считая оставшиеся листья и птиц
соотражения
на нотостанах
колчеруких деревьев

он
лето хотел
но

на зеркале времени
пятна
от невытертых
слédных потёков
не позволяли войти
дальше этих лиан
намертво вросших
в детскорадушный профиль
отмечтавшего
неотвлекомца

2

пыльца слов
уплотняющийся грунт
вокруг растущих кореньев
мужская косынка журавлей
тепло ли тебе де?
тепло пепла догревает память

забыть тепло
раньше его угасания
[угасания]

Дом

Плачущие полукружья мансард
соединяли берега подоконников.
По утрам фундамент облегчённо вздыхал,
когда изо рта увитого виноградом подъезда
сонно выдыхались жильцы —
на работу, учёбу, в собесы,
чтобы к вечеру снова втянуться в квартирные альвеолы.
Закрываясь, двери подъезда скрипели,
каждый раз издавая новый звук.
В октаве этого скрипа — нот
больше раза в три обычного.
А когда слышалась новая нота,
то скрипела не дверь, а тень выходящего,
словно ДОМ, желая оставить в себе жильца,
чувствуя, что тот покидает его навсегда,
прищемляла заземлённую к нему проводниковую тень
(говорят, что собака, провожая хозяина, думает,
что тот бросает её навсегда).

Лифт как бы служил
дополнительной комнатой для каждого,
но — единственной
для потерявшей возраст кошки,
которую катали все,
но никто не забирал к себе;
она выросла в этом ДОМЕ,
мурлыкала каждому песню,
различала «своих» и «чужих»;
рожала в подвале котят;
отзывалась на все клички —
если их сложить
и перевести на наш язык,
то её имя звучало бы так:
Соня-Антуанетта-Марсель-
Миранда-Светольда-Янина-
Цоля-Джульетта-Элиза...
Стоп!
Не больше девяти —
по возможным кошачьим жизням.

На тросах-сухожилиях
голова лифта никогда не кружилась,
но иногда застревала
от переполнявших её мыслей в виде людей.
Тогда лифт напоминал квадрайцо,
в котором несколько желтков взбалтывались
разговорами,
но — слава Богу — не всмятку!
В эти минуты, часы
лифт становился кабинкой исповеди,
когда прожившие немало лет в одном подъезде
впервые знакомились и делились собой друг с другом.

Особая ода — для мусоропровода.
По этому изобретению человечества
каждый провожал частицу ненужного себя
(в пакетиках синих и чёрных) в последний путь —
как репетиция неизбежного события...

Щербатые лестничные марши,
чьи ступени немые,
как позвонки костяка динозавра
из Музея природы,
уже давно не считали,
сколько по ним прошло
ног, костылей, детских колясок
и перетаскивающих мебель
ново- и старосёлов...
Если бы все их шаги стали ступенями,
то лестница могла бы вытянуться до луны...
Каждая ступенька — подставленное плечо.
Вниз или вверх —
но плечо подставлено!
Сколько этажей —
столько и безбашенных пролётов.
Плечи с выступающими арматурами ключиц
огорожены перилами —
оттопыренными воротниками,
закрахмаленно-заляпанными побелкой
раз в пятистройку.

Дверные цеп-очки-глазки,
дополнительные задвижки
давно не спасали старожилов от времени,
из которых многие отсторожили:
их по имени не знал никто —
только они сами себя.
А когда кто-то ночью кричал,
пел или бил посуду,
то это мешало спать минимум пяти семьям;
тот же, кому меньше всех оставалось отдохнуть,
стучал, как нервический кардиолог,
в рёбра батарей,
будто этим мог устранить
аритмию синхронных бессонниц.

Бетонные плиты перекрытий завидовали жильцам,
переворачивающимся во снах, когда отдыхали —
то спина, то живот
(ещё успеет каждый узнать,
что такое Спи на...,
а пока что — пускай ещё поживёт) —
ведь пол устал
от втаптываемых в него шагов,
а потолок — от удерживания
побелки, обоев, побоев взглядами,
люстр, мух, комаров...
Плиты хотели бы тоже поменять стороны —
с пола на потолок,
потому что пол — полповерхности,
а потолок — потолок бы застоявшийся воздух,
да держат стены.
Каждая стена — спина: остенавливает-спиняет —
на!
Подвалы — по два ли, по три ли,
по дважды три ли — четыре ли, пять ли...
В петли, сплетённые там пауками, влезали
мееееееееедленно,
покрытые паунитью толстые шеи лучей,
проживших не одну пожизненную
невыключаемых лампочек —
те, заретушированные пылью,
радовали не хуже, чем их прабабка от Ильича.

ДОМ был похож на зуб, портящийся
от холодного (зима) и горячего (лето).
Рядом стоящие дома —
такая себе щербатая челюсть,
вгрызающаяся в небо гниющими зубами.
Дворники чистили дёсна раз в утро,
а то и реже.
Между домами, стоящими очень близко,
нить сквозняков вычищала
скопившиеся недожёванные
взгляды из окон в окна.

Бельевые верёвки балконов,
утыканные клювами-прищепками,
провисали под простынями,
рубашками, пелёнками,
подвешенными за уши зайцами и тэдди-бэаз...
А вообще балконы напоминали
зачерпнувшие кусочки быта
ковши экскаваторов, но —
застеклённые и законсервированные
для потомков, то есть для нас же самих,
но — в завтра!
По застеклённости балконов,
которые тем самым теряли сущность ниш в воздухе,
можно было судить о возрасте здания.
А свешенные вниз простыни —
как респираторы,
защищающие ДОМ от смога.

Тень, далеко отбрасываемая ДОМОМ,
лучше полуденной,
которая обрисовывает ДОМ.
Крыша, плавясь летним днём, охлаждается ночью
ровно настолько, чтобы перевернулась
уснувшая на ней тень от облака,
пропечённая солнцем.
Насекомые,
пойманные в ловушку
раскалённой жаровни крыши,
казались примером жертвы
к своей роли в истории цивилизации.

Ночью, когда выключали свет во всех окнах,
ДОМ был похож на цилиндр фокусницы;
жизни кроликов-спящих под ним
зависели от удава-утра...
(Ночь лепила небо
из пористо-звёздной мавровой глины.
Ночь слепила окна, чтобы увидеть себя.
И не утро побеждало тьму,
дав окнам-глазам прозреть,
это ночь уставала смотреть в себя.)
И когда у заснувших улетали зрачки на небо,
где становились звёздами и смотрели вниз
прозревшим аргусом, охраняющим сон,
а потом — по очереди — возвращались в глаза
тех, кто хотел, кто мог проснуться,
ДОМ входил в туман, становясь похожим
на парусник со спущенными с мачт-антенн парусами.
Когда поднимали паруса — куда плыл дом?

время плывёт
загребая стрелками-вёслами
низ циферблата

наискосок

внутреннему

перетягивание

тени

переводчик
с лунного
на солнечный

эхо застыло
на пол
пути

Стрелки

— Я бы хотел быть часовой стрелкой,
чтобы вокруг меня бегали,
а я важно передвигался
и при этом философствовал.

— Я бы хотел быть минутной стрелкой,
чтобы быть между
часовой и секундной
и знать, что у них на душе.

— Я бы хотел быть секундной стрелкой,
ведь только её слышно в тиканье
и только благодаря ей
заметно, что время движется.

Дочка кормит куклу

Этот пирожок с начинкой нежности —
за маму.

Этот пирожок с начинкой серьёзности —
за папу.

Этот пирожок с начинкой доброты —
за бабушку.

Этот пирожок с начинкой баловства —
за дедушку.

Этот пирожок с начинкой вредности —
за братика.

Этот пирожок с начинкой игривости —
за моего мопсика.

Этот пирожок с начинкой ласки —
за мою девочку-хомячку.

А этот пирожок в тебя уже не войдёт,
да он и с грустинкой.

плевелы полуволи

полу-вы-ли пели-выли
плевелы половили
полуволи поливали
полувола полуваала
полеволье плювелье
пылевели полевели
полу-авель полу-овалья
плавали полувалы
поле олив палеолив
пол: live. Pol ... live!
пльви ли по льву ли
пулю вылипили воли...
пли! валь-
(Тсссссс)с!

Сыграть Гамлета...

1. Сыграть Гамлета.
 2. Помянуть Йорика.
 3. Ожить намертво.
 4. Заказать столики.
 5. Позвать дяденьку.
 6. Рассмешить Офелию.
 7. Всё будет ладненько...
 - Небо, принц, постелено...
 - Поднимите занавес.
 - Видите, он спятил...
 - Не спешите, ангелы.
- Разожмёт объятия,
и тогда берите...
1. Сыграть Гамлета...
-
...п-о-м-я-н-и-т-е...

Уговорить соседку бросить курить.
Хотя бы тогда, когда идёшь к лифту,
а она сидит на радиаторе,
здоровается, а в это время
дым от её самокрутки въедается в одежду
за те сорок секунд, пока кабинка дойдёт
с первого до четырнадцатого этажа...
Уговорить водителя маршрутки
не врубить на полную громкость те песни,
от которых возникает судорога
барабанных перепонок...
Уговорить дежурного на КПП пропускать
без разевания удостоверения личности.

Интересно, если вклеить туда три
на четыре профиль Гоголя —
тоже пропустят?..

СНИМОК

солнце
завёрнутое волной
распрямляется
на берегу

отпечатки следов
к себе

покажи
где живешь

где умру
без

каждый год надевая
под мезгой по кольцу
деревья между стволами
стискивали пространство
выжимая воздух
кольцами в небо
как бы обручаясь с ним

Лицо

Изморщинась, лицо походило на сетку-мишень,
в самом центре её — наконечник двукрылой стрелы
устремился вперёд, как трофейною мордой олень,
круп забыв по ту сторону им невидимой чёрствой стены.

А глаза эти жили — каждый только своею судьбой:
два колодца, один из которых луну отражал,
слепо солнцем светил одиноким колодец другой —
будто церковки, борющиеся за прихожан.

Смех ослабился биографией редких зубов;
пара губ горизонтом — повторение верха внизу;
то закрыты печатью, то будто бы решкой обол;
выпускали колечком, то змейкою перхотный звук.

А кадык — будто кто-то, промазав, в мишень не попал —
напряжённо торчал... Только понял — стрелял изнутри
тот, кто криком-киркой в вечномерзлую корку стучал
в невозможной попытке пробиться туда, где вдали

и обещанный рай, и никем не обещанный ад
находились в одной предназначенной ранее точке.
Там жил змей необученный, цвёл неплодившийся сад,
на лице ещё не был отточен морщинистый почерк...

рыба

зимний дождь оставлял на окне капли
мороз превращал их в чешуйки
глаз луны приоткрылся

~

аэроснимок души
потемнение в теменной области света

сколько ему осталось

значить значит знанием

мир
миру курим
рим

на выселки
оскалице

плащ шляп

кто следующий следящему?

взгляд оставляет вмятины в атмосфере

заполняются осадком мечтаний

мелиорация душ

новый снимок

с ним ок
на а
амстердам

Отречение Иуды

XIII

XII

XI

?

IX

I

.

пластинка

жизнь как пластинка
до середины которой
доходит игла
а та всё не знает
что круги сужаются

2

Эти слова кричат без голоса,
в прорехе каждого — пепел произнесённого рядом,
но как ложится утром на покос роса
и тенями — дом на дом,
так — слова на музыку песней,
скорее воскресая, чем встречая забвение.
Каждое новое произнесённое — воскресней.
Не в начале, а изначально длится миротворимое пение.

2

живу внутри себя
не где
а направление
вывожу в открытый космос
мною же
себя же
варикозные
вены молний
уставшего идти неба
небом
ангел садится
на электрический стул
берёт на колени
хранимого
подают ток
живу

~

темень тень голоса
наклон на восток
поклон на запад

обернулась не на голос —
тень коснулась другой
возвращаясь
опрокинул сердце

отраженье в зеркале

ждёт взгляд

восточный ветер

ветер книгу листает
от конца — к началу
он пришел с востока
где читают так
по-японски

СОДЕРЖАНИЕ

Языковые аномалии и внутренний локус Андрея Костинского <i>Вступление Владимира Коркунова</i>	5
---	---

ОСТРОВ

Остров	10
Игорь	11
Расстояннее	12
«посреди ладонной степи...»	13
распястье	14
Почему	15
Мост	17
«взгляд вымерз...»	18
Бросивший камень... ..	19
«Трассирующий свет шёл на одной линии...»	21
«переползные змеи...»	22
И создал Бог Еву	23
обои	24
Шов (Касабланка)	25
завтрак	27
Четыре вдовы	28
Игра в хохот	29
Труженики морэ	30
«разделочная доска горизонта...»	31
«танец звука...»	32
Чернобыль	33
«пылинка раскрылась цветком...»	34
«крапивный ветер коснулся тела...»	35
Бабушкина шкатулка	36
Коперник	38
Лестница на чердак	39
«ладонью траву примну...»	40
репетиция рассвета	41
«ливень прошёл...»	42
арн	43
«город падает гулко...»	44

ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

«Немые волны на рогах...»	46
белое	47
в годы убыли...	48
«пыльца слов...»	49
Дом	50
«время плывёт...»	60
«наискосок...»	61
Стрелки	62
Дочка кормит куклу	63
плевелы полуволи	64
Сыграть Гамлета...	65
«Уговорить соседку бросить курить...»	66
снимок	67
«каждый год надевая...»	68
Лицо	69
рыба	70
«аэроснимок души...»	71
Отречение Иуды	72
пластинка	73
«Эти слова кричат без голоса...»	74
«живу внутри себя...»	75
«темень тень голоса...»	76
восточный ветер	77

Литературно-художественное издание

Андрей КОСТИНСКИЙ

РЕПЕТИЦИЯ РАССВЕТА

стихотворения

Выпускающий редактор *Владимир Коркунов*

Консультант *Светлана Демидова*

Корректор *Ярослав Уваров*

Бумага офсетная

Гарнитура CharterС

Тираж 500 экз.

(2 тип. в Украине — 101-500 экз.)

Подписано в печать 17.08.2019

«ЛитГОСТ»

vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»

Белгородская обл.,

г. Старый Оскол,

Комсомольский пр-т, 73